

Подвижный, как ртуть, Израэль Шамир может сегодня быть в Индии, завтра—в Японии, послезавтра—в Израиле, послепослезавтра—в Стокгольме, а далее—в Москве... Но в одночасье, по весне, его потянуло на Урал.

— Хочу,—сказал,—ледоход на здешних реках посмотреть!

Спросите: при чём тут «Русские встречи» в Перми—и Израэль Шамир? А при том, что как только мы на полном выдохе произносим слово «русский», так нас сразу (не замечали?) начинают обвинять в антисемитизме. Видимо, один «неразрешённый вопрос» без другого, такого же «неразрешённого», существовать не может...

Во всех своих книгах, в том числе таких как «Страна сосны и оливы», «Цветы Галилеи», «Кабала власти», принявший православие Израэль выступает как антисемит и—если шире—как человек, убеждённый, что у мирового еврейства нет никаких прерогатив, дабы числить себя истинной в последней инстанции. Разве это не ледоход?..

Впрочем, мой собеседник смог лицезреть его воочию, оказавшись сначала в Чусовском этнографическом парке Леонарда Постникова, а затем—на берегу легендарной Чусовой. И, хотя шествовал по владениям Леонарда в чёрной ковбойской шляпе и палестинском шарфике, в этот момент совсем не походил на «еврейского Че Гевару».

Бывший солдат воздушно-десантных войск государства Израиль, войдя в крестьянский дом-музей, первым делом решил «утонуть» в огромном овчинном тулупе, висящем на одной из стен, на мгновение преобразившись в Емельяна Пугачёва. Однако в торговой лавке из деревни Антыбары Шамир весьма органично смотрелся на фоне магазинного убранства, особенно—за косяшками счётов. Он то и дело приговаривал:
— Здрóрово! Как интересно!

Ни намёка на высоковольтность. Может, высоковольтность евреев—из разряда тех же мифов? Хотя, как считает израильский писатель и культуролог Марк Котляревский, евреями, особенно представляющими нынешнюю российскую оппозицию, часто движет ген самоуничтожения, когда «революционные настроения инициируются троцкистами,

а отдуваться будут бронштейны». Но Шамир, находясь на моей малой родине, не произвёл впечатления «еврейского Че Гевары», как принял его величать не то друзьями, не то недругами.

Я тогда подумал: Израэль вслед за ныне покойным философом и культурологом Георгием Гачевым, некогда тоже побывавшим на этой «улочке русского сопротивления», каковой давно кличут Чусовской этнопарк, мог бы воскликнуть: «Кипит мой разум восхищённый!» И уж никак не наоборот.

Пока всемирно востребованный Шамир давал очередное разъяснение по мобильному телефону настигшим его и здесь интервьюерам, оторвалась первая льдыня и задорно двинулась по знаменитой уральской реке. Я жестом обратил его внимание на ожидаемое им чудо. Не отрываясь от телефонного монолога, мой собеседник поднял большой палец: ура, вижу первую льдыню!

— Израэль, так или иначе, но когда мы касаемся «сакральной» и «табуированной» темы... видишь, даже я спотыкаюсь, чтобы её огласить... темы еврейства, тут же, как джинн из бутылки, вырастает разговор о «Протоколах сионских мудрецов». А что ты сам думаешь по этому поводу?

— Это очень интересная книга! И почитать-то её надо. Независимо—русскому, еврею или китайцу. Но у Ницше есть довольно известная фраза: «Если слишком долго всматриваться в бездну, бездна начинает всматриваться в тебя». И «Протоколы...»—та самая книжка, где это ощущение присутствует. Если много ею зачитываться, это бесследно для психики не проходит...

Возьмём то, что, с точки зрения автора, якобы считается общеврейской парадигмой. Предположим, можете вы завтра в журнале «День и ночь» или в любом ином издании поставить колонку о том, что Путин пишет своему пресс-секретарю Пескову? Почему бы и нет? Запросто! Но вы же не будете иметь в виду, что Путин в действительности пишет. Речь о том, что он предположительно думает, когда даёт какие-то инструкции. Это распространённый авторский приём, когда человек с помощью прямой речи пытается раскрыть то, что происходит.

То же самое, если говорить о жанре «Протоколов...». Тот, кто их написал, именно так видел еврейскую парадигму и таким манером её изложил. Известно, что «Протоколы...» — это фальшивка. Но когда так говорят, обычно забывают, что на самом деле был и подлинный документ. Не такой грубый и резкий. Но, в принципе, с теми же заключениями...

— Тогда как ты относишься к нынешней трактовке Холокоста?

— К этому культу я отношусь резко отрицательно. Кроме того, тема эта криминализована. Если на совсем простом языке, за это могут посадить. А у меня одна из главных амбиций — не сесть. И если бы я стал заниматься фактурой Холокоста, может быть, эта моя мечта не осуществилась бы.

— Время от времени в нашей стране проводится «Тотальный диктант». Устроители берут тексты тех или иных писателей и по воспроизведённым результатам делают выводы, насколько Россия соответствует идее всеобщей грамотности населения. Помнится, взяли за основу прозу Дины Рубиной. Это вызвало разночтения в интеллектуальном российском сообществе. Союз писателей России выступил с заявлением (цитирую): «И почему в страну Валентина Распутина и Владимира Личутина... звать на диктант по русскому языку писательницу, родившуюся в Средней Азии, а затем переехавшую на свою историческую родину — Израиль?» Каково на сей счёт мнение Исраэля Шамира? И хотел бы ты сам что-нибудь предложить из своих произведений для «Тотального диктанта»?

— У меня очень мало симпатий к Дине Рубиной. Не на личном уровне. Мы с ней, как говорится, детей вместе не крестили и свечку не держали. Даже — не вставляли. Просто она мне глубоко несимпатична как личность. Приведу пример, чтобы было понятно почему. Не так давно в России вышли переводы книжек израильского автора Шломо Занда «Кто придумал еврейский народ», «Кто придумал страну Израиль» и «Почему я перестал быть евреем». Так вот, когда вышла первая книга...

— ...ты понял, что Шамир — не один такой?

— (Смётся.) Не только я не один такой! Таких-то уже стало большинство. Другой вопрос, что не все это озвучивают. Что касается Дины Рубиной, это бестселлерный автор. У неё — большие продажи книг. И она совершенно не поленилась написать очень гнусное письмо в издательство «Эксмо», где требовала, чтобы книжки Занда зарубили. Чтобы его вообще не печатали! Она пыталась даже раздуть некую кампанию, притянув других авторов «Эксмо», чтобы перекрыть кислород Занду. И это выглядело очень не по-товарищески. В нашей гильдии так не поступают.

Но до этого она много раз писала совершенно возмутительные и настолько грубые вещи о палестинцах, за которые в России просто сажают, если бы это прозвучало в адрес не палестинцев, а евреев. То есть как автор Рубина, на мой взгляд, — националистическая и даже шовинистическая фигура. Книжки же её... Это всё дамская беллетристика. Кому нравится, пускай читают. А идея «Тотального диктанта»... Почему бы и нет? Пожалуй, я бы мог найти для него кусок из своей прозы.

— Кто же из авторов, пишущих на русском, тебе симпатичен?

— Допустим, ваш Алексей Иванов. Я считаю его одним из интересных современных писателей. В этом же ряду — Владимир Сорокин. На мой взгляд, одна из его лучших, я бы даже сказал — потрясающих, книг — «Голубое сало». Сорокин — мастер стиля. При этом я очень-очень люблю Проханова и Куняева. У меня с ними личные близкие отношения. Куняев — страстный публицист, талантливый поэт. И человек задушевный. Проханов пишет бесконечно много. Это прямо-таки какой-то вулкан. Везуви! Например, у него есть удивительно хорошо написанная книга «Надпись», которая вышла в свет где-то ещё в конце шестидесятых. Так что не оскудела талантами русская земля. И книги хорошие пишут, и фильмы замечательные снимают. Один из таких — «Орда». На Западе подобных фильмов-то, пожалуй что, и нет. Современный русский кинематограф — в той же высшей лиге, что и кинематограф Ирана. А иранское кино, наверное, сегодня лучшее в мире. В Америке сносные фильмы снимают крайне редко. В основном — коммерческий мусор. Да и в Европе кино погибло, а в России оно ещё живое.

— Ты настолько быстро перемещаешься по миру, что у кого-то может невольно возникнуть вопрос: «Каков же уровень связей Шамира с Моссадом или Ликудом? И что же за должность он там занимает, если ему позволено существовать в таком качестве и, по сути, „наступать на пятки“ интересам разведки мощного государства, каковым является Израиль?» Кстати, когда подобный же вопрос я задал Евгению Евтушенко, тот великомерно отшутился: «Учитывая мои передвижения по миру, я должен быть как минимум полковником КГБ!»

— (Смётся.) На этот вопрос Александр Галич ответил в стихах:

Сколько раз на меня стучали

И дивились, что я на воле.

Ну а если б я гнил в Сучане,

Вам бы легче дышалось, что ли?..

Говоря более простыми словами русской поговорки: «Всех-то не переведаешь!» И ты, как и другие мои коллеги-журналисты, должен это понимать.

Вообще, это иллюзия, что можно замолчать какие-то вещи! И такой иллюзии, наверное, у разведок нет. Но если ещё более просто, я бы сказал так: мы все живы, пока Господь нас терпит. Я не раз думал о том, что если я, наоборот, заткнусь и утихну, тогда действительно за мою жизнь не дадут и дохлой сухой мухи.

— Многие живущие в России деятели культуры, литературы и науки еврейского происхождения меняют свои фамилии на русские. Каково твоё отношение к таким подменам? Чем они психологически продиктованы? И какое имя было у тебя, когда ты жил в Новосибирске?

— Начну с последнего. У меня в Новосибирске было такое имя, какое и сейчас. Моя мама — оголтелая и пылкая сионистка и ею оставалась и впоследствии. А родился я за год до образования Израиля как государства. Не знаю, может, годом позже она бы ещё насчёт моего имени и подумала. А тогда такой проблемы не возникало. Тем более деда моего тоже звали Исраэль. Что касается смены имён, о которых ты спросил, то, в принципе, я эту вещь одобряю. Потому что имя — это идентификатор. Если человек ощущает, что да, имя у него еврейское, но никакой еврейской сущности-то за этим не стоит и на самом-то деле он — русский и по языку, и по культуре, и, может, даже и по вере, так нужно ли ему ходить с именем Хаим Рабинович? Другой вопрос, я считаю, чтобы человек это делал не из соображений замаскироваться, а чтобы, напротив, раскрыть свой человеческий и творческий потенциал.

— Но национальную-то психологию при этом никуда не спрячешь!

— У Станислава Лема есть на эту тему один очень смешной фантастический рассказ, как пытались разные силы повлиять на воспитание молодого принца. Например, силы соседней Океании старались внушить ему любовь к рыбкам. Ну, внушили. Но в последний момент оказалось, что он этих рыбок любил есть. Иными словами, психология психологией, но это вещи не настолько однозначные. И то, что у кого-то бабушка еврейка, вовсе не значит, что он уже обязан жить по «Протоколам сионских мудрецов». Свободу воли-то у нас никто не отнимал. При этом заметь: есть люди, у которых нет ни капли еврейской крови, но которые включаются в еврейскую парадигму самым активным образом.

Возьмём Умберто Эко, автора романа «Пражское кладбище». Нет, он итальянец, а не еврей, но работает, как может, в этом направлении. Знаешь, я сталкиваюсь с таким количеством людей, которые считают, что они евреи! Один человек пишет мне об этом с острова Цейлон. Дескать, его предки в пятнадцатом веке были португальскими

евреями. И фотографию присылает — типичный такой темнотилицый сингалез. Спрашивает: не надо ли ему принять иудейскую веру и перебраться в Израиль? Я ему говорю: «Успокойся. Не надо!» Помнишь, у Лермонтова: «В горах Шотландии моей...»? Ну, написал. Но он же юбку-то не надел и в Шотландию не поехал! Или — ссылка Набокова на Набока-мурзу, который прискакал из Орды. Ну, прискакал. И что? Никогда не надо преувеличивать.

— То есть ты согласен со строчками Юнны Морич: «Как мало еврея в России осталось, как много жида развелось»?

— Евреев-то, конечно, немного, а насчёт ожидания... Но это же — всеобщая проблема. О ней ещё в девятнадцатом веке Карл Маркс писал. В том смысле, что этот процесс охватывает весь западный мир своим подчинением золотому тельцу и мамоне...

— Накануне твоего приезда в Пермь местная хасидская община «Хабад-Любавич» выступила с письменными протестами, направленными в ряд инстанций. Могут ли такие провокации способствовать росту антисемитских настроений?

— Это — нормально. Я к этому давно привык. Какое-то желание в этом направлении у них, бесспорно, есть: несколько сгустить страсти, чтобы те, кто колеблется — быть им евреями или не быть, качнулись в их сторону. Если мы говорим о хасидах «Хабад-Любавич», то это своего рода секта, которая хочет привлечь к себе людей еврейского происхождения. Поэтому, конечно, немножко антисемитизма — это для них неплохо. Если уж совсем тишь да гладь — иди потом до людей достучись.

Знаешь, были когда-то евреи в Китае. Из Израиля, из США направлялись туда эмиссары в большом количестве и приставали со своими идеями к этим людям. Те говорили: «Да, действительно, наши предки были евреями, но мы-то уже давно — нет». Допустим, в Израиле есть община потомков субботников. То есть жидовствующих русских. Они все из-под Саратова. Где-то в конце девятнадцатого столетия несколько больших русских семей из одной или двух деревень неожиданно воодушевились мыслью, что они — народ Израиля, и переехали в Палестину. И укоренились там. Фамилии свои сохранили, образовали несколько мощных кланов. Они абсолютно интегрированы в Израиль, по-русски же мало кто из них говорит. Они уже даже не субботники — обычные израильские евреи.

Я когда-то, будучи молодым журналистом, записал интервью с начальником генштаба израильской армии Рафаэлем Эйтаном Рафулем. Это легендарная личность. На тот момент он уже был в отставке, гусей разводил. Он мне признавался: «Знаешь, я русский по крови, потомок тех самых

субботников...» Я это напечатал. Тогда это прошло бесследно. А после его смерти семья начала возражать: якобы это всё неправда, что у них не чистая еврейская кровь и что они русские...

Вообще, Израиль даёт необычные ответы на обычные вопросы. Израильтяне, которые чуточку более коренные, смогли никуда не пустить русских евреев. Русские евреи, которые, предположим, на пермской земле были сплошные начальники, на Земле обетованной—исключительно «подай-принеси».

— А Натан Щаранский?

— Всегда есть исключения. Но по большому счёту Израиль для русских евреев стал разочарованием.

— Почему у евреев признание крови происходит по линии матери? Любои отец, наверное, хочет, чтобы дети были продолжателями его традиций?

— Это один из тех мифов, которые не моя задача разоблачать. Но раз у нас пошла такая пьянка, давай разрежем и этот огурец. До середины девятнадцатого века никто ещё и не думал о том, что якобы ребёнок от смешанного брака, где мать еврейка, является евреем. Эта мысль была совершенно евреям чужда чуть ли не до наступления двадцатого столетия. И сегодня—тоже. Если кто-то захочет отвечать на твой вопрос серьёзно (я подчёркиваю), то отношение будет таким: евреи не признают брака между еврейкой и гоем. Иными словами, ребёнок, которого родила еврейская женщина от этого брака, просто приبلудный. Она его нагуляла. И в данном случае он—еврей третьего сорта. Это—если говорить совсем по строгости. Другой вопрос, что со временем приходит мысль: «Этих-то людей, наверное, тоже было бы хорошо задействовать в помощь общине?» Не обязательно расписывать прямо так, как я сказал. Гораздо лучше подтвердить: «Вы—тоже еврей!» В какой степени? В очень и очень ограниченной.

Поэтому нет никакой такой силы еврейских матерей, которая бы это дело пересиливала, а есть миф, работающий на благо еврейской общины. Просто людям, обладающим толковой еврейской кровью, втюхивают в головы, что вот-де им хорошо было бы включиться в данную организацию. Но эти люди, сразу или не сразу, начинают понимать, что в этой организации они—не на очень-то высоком холме...

— У тебя—интересный шарфик. Напоминает накидку Ясира Арафата. А в одном из твоих высказываний прозвучало: «Палестинцы—потомки древних евреев». Выходит, идёт война между сородичами?

— Я на этот вопрос отвечаю так: есть евреи, которые потомки древних евреев. Есть евреи, которые не потомки древних евреев. Многие считают, что

современные евреи—в основном потомки хазар или каких-то других племён, обращённых в иудаизм. Это всё на уровне легенд. Я не против легенд. Если легенда ведёт к чему-нибудь доброму, это хорошо. И идея, что палестинцы и современные израильские евреи—потомки древних евреев, если ведёт к примирению, то—слава Богу! Но если она ведёт к лишней заносчивости, тогда не надо.

— *Согласись, что на теле Земли современное еврейство—достаточно уникальное явление. «Где вы, грядущие гунны...»—вопросил Валерий Брюсов. А гуннов нет. Многие народы, гремявшие в истории ранее, прекратили своё существование. В чём причина жизнестойкости еврейского народа, который, проходя сквозь тысячелетия, как бы нарушает общие законы прочих этносов?*

— Сохранилась религиозная община. Но ведь и другие религиозные общины сохранились с тех же времён. Христиан-то, слава Богу, сколько стало! Ещё больше за то же время. Когда мы говорим о религиозных общинах, то они живут тысячи лет. То есть это не то чтобы какой-то этнос взял и сохранился, хотя и этносы живут долго. Но религиозные общины живут гораздо дольше. Так что, я думаю, идея еврейской исключительности (её, конечно, евреи очень любят)—не более чем выдумки и мечтания. По-еврейски говоря, халоймес.

— *Однажды один не последний человек с российского Первого телеканала, имя которого по понятным причинам оглашать не буду, сказал мне буквально следующее: «Наше сионизированное телевидение». Согласен ли ты с таким определением?*

— Ну конечно! И телевидение, и газеты, и журналы. Сионизация в России—просто безумная! Думаю, всё-таки этот процесс управляемый. Не хотели бы—этого бы не было. Бороться-то с этим могли бы. Но мы наблюдаем картину прямо противоположную. И от этого грустно.

— *На твой взгляд, степень антисемитских настроений в СССР и нынешней России чем-то принципиально отличается?*

— Никакого антисемитизма не было, нет и, наверное, не будет! Это всё выдумки.

— *Но на бытовом-то уровне?*

— Я ни разу не сталкивался. Антисемитизм придумали. Кто? Вопрос отдельный.

— *А если взять такие явления из нашей новейшей истории, как семибанкирищина, и даже такие мелочи, как формирование в недавнем прошлом участников ежегодного фестиваля в Перми «Белье ночи» в составе Мильграма, Гурфинкеля, Гельмана, Вайсман и прочих?... Это же примерно то же, что и семибанкирищина! Разве такая явная*

избирательность не может вызвать ответную реакцию?

— Могла бы вызвать, но не вызывает.

— *Архиепископ Иоанн (Шаховской), довольно известный богослов и философ, как-то заметил: «Главный грех евреев в том, что они подражают плохим христианам, сбрасывающим с себя вину пред Христом»...*

— Когда сравнивают евреев и христиан, я говорю, что в этом мире всё устроено с некоторой компенсационной силой. В реальности евреи немножко лучше, чем их установка и парадигма. А христиане немножко хуже, чем их установка и парадигма. Разница не гигантская.

— *А если речь о взаимоотношении евреев и мусульман?*

— Евреи и мусульмане жили вместе многие века. Жили очень хорошо и бесппроблемно. К исламу еврейство относится лучше, чем к христианам. Так что страха со стороны еврейства по этому поводу нет ни малейшего. Более того, на эту тему есть притча, что если предстоит выбор—креститься или умереть, еврей должен умереть. А если выбор—перейти в ислам или умереть, то, конечно, перейти в ислам! И не задумываться.

— *При твоей наблюдательности и вживлении в российское бытие ты не можешь не видеть, как здесь набирает силу русское национальное движение. Этот непреложный факт вполне объясним: государственным деятелям негоже делать вид, что русских не существует или что они, напротив, есть некая сверхнация, а посему может позволить не обращать сама на себя внимания. Каковы, на твой взгляд, перспективы русского национального движения?*

— Сначала надо разобраться, о чём разговор. О движении русском этническом? Или—о русском культурно-православном? Если—о русском этническом, я к этому делу отношусь отрицательно. Да и не свойствен, мне кажется, русским такой вот этнический еврейский подход. Это в моём понимании будет последняя форма ожидовления. Если же мы говорим о развитии православной русской традиции, это, по моему разумению, было бы то, что очень нужно. Однако сие не означает, что культурно-православное направление надо противопоставить этническому подходу. Но и выпячивать этнический подход, мне кажется, было бы неправильным.

— *Ты дружил с Александром Даниэлем и Вадимом Делоне. С теми, кто в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году протестовал против ввода советских войск в Чехословакию. И ты протестовал—в том числе. Повторил бы ты этот ваш протест сегодня, с высоты прожитых лет?*

— А что мне оставалось делать? Пойти и выразить поддержку интернациональному долгу? Страна ведь была совсем другой в те времена. Тогда такие волеизъявления—в поддержку или в осуждение, и те, и другие—не очень-то были людям понятны.

— *Но ты жалеешь о том, что разрушена советская империя?*

— Что погиб Советский Союз—конечно, жалею. Ну кто ж об этом не жалеет?! Таких людей просто мало.

— *У нас в России отбор в десантуру очень строгий—по росту, по массе, по всему. Как тебе удалось оказаться в воздушно-десантных войсках Израиля при твоём... наполеоновском росте?*

— Я даже был не самым маленьким в своей роте. Ещё два человека были меня поменьше. Так что не такой уж я... Наполеон! В принципе, очень высоких-то у нас в десантники и не брали. Не то что у нас десант состоял из двухметровых, как у вас там, может быть, есть. В десантных частях что важно? Желание. Воля. Настойчивость. Выдержка. Прыгать с парашютом—небольшое дело. Работа десантника начинается после приземления...

— *Ты, наверное, уже привык к сильным эпитетам в свой адрес? Как только тебя не кличут: и еврейским Че Геварой, и лучшим другом палестинского народа, и пламенным антисионистом. Всё-таки кто ты? Как ты сам себя идентифицируешь?*

— Я совсем даже не задумываюсь на эту тему, потому что чем меньше мы о себе думаем, тем лучше получается. Иными словами, меня этот вопрос совершенно не беспокоит. Я стараюсь делать то, что нужно делать, стараюсь сказать людям то, что у меня есть сказать, а задумываться на предмет, кто я и с чем меня едят,—это вещи, которые лучше избегать. И—для писателя, и для журналиста. Кто мы? Мы же—просто канал. Между высшими силами и людьми. А если мы будем шибко задумываться, кто мы есть на самом деле, это будет как с сороконожкой... Знаешь, как сороконожку остановить? Чтобы она задумалась, какой ногой она сначала ступает. И—всё! Никогда больше с места не стронется.